

Кроме собственно археологических исследований экспедиция предприняла также и этнографические работы. Изучая вещественные памятники всех типов и времен, она, естественно, уделила внимание и позднейшим из них, в том числе уже чисто этнографическим по их возрасту, изучение которых имеет первостепенное значение и для понимания древних культур Нижней Лены, для освещения ее исторического прошлого в целом.

В ряде пунктов выявлены и частично раскопаны древние якутские этёхи, остатки обложенных дерном балаганов (саха балаган, буор балаган), сопровождаемых валами и характерными прямоугольными ямами, откуда брали землю для засыпания крыши и завалин.

Самый древний дом такого рода оказался на озере Сылах, причем в нем обнаружен целый глиняный сосуд примитивного вида, пользовавшийся религиозным почитанием. У Кюсюра обследованы остатки оленеводческих стойбищ (XVIII — начала XIX в.), давшие любопытный вещественный материал, в том числе остатки кузнечного дела.

В районе устья р. Сола сфотографирована и обмерена башня, построенная известным якутским тойоном XVIII в. Пономаревым, оригинальное устройство которой вносит новые данные в интересную проблему о характере и происхождении якутских «крепостей», известных уже по русским источникам XVII в. Башня Пономарева представляет собой хранилище богатств тойона, а вместе с тем и убежище от врага, почти неприступное для осаждающих, вооруженных только холодным оружием. Внешне она поразительно сходна с башнями русских острогов XVII в., в том числе Якутского острога, немногим уступая им по мощности, но в то же время обнаруживает оригинальные конструктивные особенности, указывающие на местные архитектурные традиции.

В ряде мест обследованы старинные могилы — дохристианские и христианские. Очень интересен один шаманский, повидному, аронгас типа «сайбы», найденный на р. Аякит. Позднейшие могильники на Нижней Лене особенно в местности Хайыргас, обращают внимание изяществом орнаментальной резьбы оградок и крестов.

В Кумахсуре обнаружен «шайтан», т. е. изображение духа-покровителя охотничьего промысла в виде скульптурно вырезанного из дерева человеческого лица, обтянутого сзади шкурой дикого оленя, хранившееся в круглой деревянной коробке. Такая же коробка, но заполненная волчьей шкурой, внутри которой лежал небольшой зверек (хищник), оказалась на заброшенном этёхе в Хайыргасе.

Вещественными памятниками охотничьего культа являются также и повсеместно встречающиеся связки передних концов челюстей дикого оленя. Все эти следы старины исчезают и разрушаются вместе с прежним укладом жизни лесных племен. Необходимы срочные меры по собиранию и изучению этих интересных этнографических реликтов.

Одновременно производились фольклорные записи, в том числе имеющие прямое отношение к археологическим памятникам, — о древнем полумифическом народе сартолах, войнах-хосунах, шаманах, в том числе о последнем из знаменитых нижнеленских шаманов «чудотворце» Егоре, о родах и межродовых войнах. Записан также ряд новых текстов — вариантов «хосчунного эпоса» о борьбе Юнгкэбилы и Чэмпэрэ.

До 1943 г. записи эти вел С. И. Боло, в 1943 г. — автор настоящего сообщения совместно с И. И. Барашковым.

А. П. Окладников

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

За истекшие пять лет Отделом этнографии Института истории Академии Наук Грузинской ССР проделана серьезная работа по этнографии Грузии и Кавказа.

Главными объектами научно-исследовательской работы в области материальной культуры являлись: жилые и хозяйственные постройки грузин, орудия производства (преимущественно пахотные орудия), ремесла, одежда и украшения; несколько тем было посвящено ранним формам народного хозяйства. По линии социальных отношений изучались: структура рода у грузин, особенно институты, возникшие на почве родового строя, а также территориально-общинные объединения. По истории религиозных верований грузин продолжались: разработка календаря народных праздников, изучение астральных культов и наиболее древних религиозных институтов. Велись работы по народной медицине и народному изобразительному искусству (отражение в этих областях религиозных верований).

Жилым и хозяйственным постройкам грузин посвящены труды проф. Г. С. Чигая, подтвердившие ранее высказанные им положения. В частности исследование грузинских землянок вскрыло социальные, экономические и религиозные функции деталей грузинского дома, функции, носящие следы глубокой архаичности и особенно наглядно выраженные в обычаях и обрядах, связанных с «деда-бодзи». Труды, посвященные жилым и хозяйственным постройкам хевсур, аджарцев и лавов, а также Ханисцхальского бассейна, дали возможность установить типологическую классификацию жилых построек грузин с учетом особенностей их основных элементов (план,

перекрытие, расположение очага) и наметить два ведущих типа: западно-грузинский (колхский), характеризующийся четырехскатной крышей, и восточногрузинский (иберский) с плоской крышей. Богатый и разносторонний материал, привлеченный при сравнительном изучении жилых и хозяйственных построек грузин, окончательно утверждает мнение о наличии генетического родства между ними и соответствующими постройками колхов эпохи Витрувия и моссиников эпохи Ксенофонта. Исследование орнаментации лазского дома в свете аналогичных данных древнейших цивилизаций Передней Азии привело к установлению тесных связей некоторых орнаментальных мотивов лазского дома с соответствующими элементами, характерными для хеттской и халдской культуры. Продолжалась и ранее начатая работа по изучению грузинских пахотных орудий. Труды, посвященные сравнительному изучению переднеазиатских и грузинских пахотных орудий, а также пахотных орудий из Абхазии (проф. Г. С. Читая), подтвердили высказанное им предположение о генетическом преемственности между сумерским и грузинским пахотным орудием, наглядно показав этапы развития последнего на почве высокой земледельческой культуры грузин. В этой связи значительный интерес представляет сванский «сакветл» (резец), используемый сванами для предварительной прокладки борозды. Особенности этого орудия, сравнительный материал и свидетельства исторических памятников дают достаточное основание, чтобы высказать положение о возникновении железного пахотного резца в Передней Азии к началу I тысячелетия до н. э., вопреки утверждению некоторых авторов о европейском происхождении железного резца не ранее начала нашей эры.

Продолжалась работа над формами охоты в Грузии (А. И. Робакидзе); изучены грузинские звероловные снаряды; выявлены неизвестные до сих пор типы грузинских и кавказских западней, что дало возможность восполнить существующие их классификации. Наблюдения над охотой с ловчими птицами в Гурии вскрыли ряд существенных особенностей, значительно отличающих гурийскую перепелиную охоту от так называемых «атарского» и «персидского» способов охоты с ловчими птицами. В связи с проблемой охоты изучены способы изготовления пороха кавказскими горцами на базе местного сырья. В кругу вопросов, относящихся к проблеме ранних форм народного хозяйства, выдвигается вопрос о пчеловодстве в Грузии (А. И. Робакидзе). Богатый пережиточный материал и древнейшие исторические свидетельства открывают перспективу критического преодоления теории об индо-германском происхождении пчеловодства. Начато изучение культуры виноградарства в Грузии (Л. И. Бочоришвили). На первой же стадии сбора материала в одном лишь районе Кахетии установлено богатое разнообразие высококачественных сортов винограда, выявлена сложная система ухода за виноградом, берущая свое начало в глубокой древности. В изучении древнейших способов производства керамических изделий приняты новые шаги; уже имеющиеся монографии по кахетинской и имеретинской керамике (Л. И. Бочоришвили) дополнены трудами по карталинской и дагестанской керамике, подкрепившими ранее выдвинутые положения о типологическом единстве грузинской керамики и о далеко идущих аналогиях, связывающих Грузию в один культурный комплекс с Северным Кавказом и Передней Азией. Названные выше работы позволяют предполагать, что керамическое производство в грузинском культурно-этническом мире уже в далеком прошлом достигло высокой ступени развития. В свете культурно-исторического сближения Грузии и Северного Кавказа интересным является дидойский «чарх» — станок для выделки деревянной посуды (А. И. Робакидзе). Привлечение сравнительного материала из быта грузин-горцев установлено типологическое единство указанных станков, причем на основе грузинского этнографического материала прослежены промежуточные формы станка, характеризующие последовательность его развития от простых ручных до сложных водяных станков.

Завершается работа по изучению грузинских водяных мельниц (С. Я. Бедукадзе). В частности, в ущелье Арагвы установлены два основных типа мельниц. В результате выявления особенностей грузинских мельниц и широкого использования сравнительного материала, намечается перспектива культурно-исторической увязки их с мельницами халдско-урартского типа; вместе с тем некоторые основные элементы грузинской мельницы заставляют предполагать наличие существенной разницы между грузинскими и римскими мельницами.

Изучение ремесел в Грузии (основное внимание было уделено ковке благородных металлов) привело к выводам, проливающим яркий свет на ранние формы искусства обработки металлов. Наблюдением над современным золотокузнечеством (проф. Г. С. Читая) установлено, что оно, являясь одним из ответвлений широко известного грузинам еще в древности высокого мастерства обработки металлов, до сих пор почти повсеместно бытует в Грузии, сравнительно хорошо сохранив свои архаические черты. В некоторых местах это ремесло является преимущественным занятием определенных родов; в Верхней Сванетии им занимаются также и женщины. Путем сравнительного анализа пережиточного материала выявлены высокохудожественные формы металлургических украшений, развитая ступень этого искусства среди грузин и чрезвычайно интересные элементы орнаментации, восходящие корнями к глубокой древности, о чем свидетельствуют также магическо-апотропеинные функции золота, серебра и железа, которыми эти металлы наделены в дохристианских народ-

ных верований грузин. Дальнейшие изыскания в этой области (Л. И. Бочоршвили) подтвердили, что в Сванетии искусство обработки металлов имеет давние традиции, хотя ныне здесь имеется лишь ковка серебра. На сравнительно высокую ступень развития этого искусства среди сванов указывает, с одной стороны, богатый набор орудий, необходимых для серебрянойковки, а с другой — художественная ценность сванских серебряных украшений. Здесь же зафиксированы древнейшие предания, сохранившие указания на широко распространенную и длительную практику золотокузнечества. Весь материал, собранный по данному вопросу в Верхней Сванетии, подводит историческую основу под древнейшие свидетельства, дошедшие до нас в легендарной форме аргонавтики.

Продолжалась планомерная работа над изучением структуры рода и систем родства у грузин (Р. Л. Харадзе). В результате ряда исследований добыты ценные материалы, проливающие свет на ранние формы социального устройства грузин. Вопросу о системе родства посвящены две работы, из которых в одной использован гурийский (И. В. Чкония), а в другой — дидойский (Р. Л. Харадзе) материал. В последней работе автором установлена особенность дидойской системы кузенного родства, заключающаяся в богатстве классификационной номенклатуры кузенов. При этом разработан вопрос дидойского «тлибил» — организации, основанной на агнатическом родстве и соответствующей хевсурскому «дзири» (gens). Особенностью «тлибил» является эндогамия. Исследование института «сцорпроба» — формы добрых отношений (Р. Л. Харадзе) выявило наличие в пережиточном быту архаических элементов, позволяющих отнести возникновение этого института к стадиям, предшествующей индивидуальному браку, типа рипаца. К этой группе вопросов относятся труды, посвященные хевсурскому «пехони» (Г. А. Чачашвили), быту чартапцев (И. В. Чкония) и пр. В пережитках племенного объединения «хев» устанавливается институт управления старейшины, стоявших во главе периодически созываемых народных собраний.

Специальное исследование, посвященное древним формам народного ополчения хевсур, вскрывает любопытные параллели со сванской военно-племенной организацией в виде территориально-общинного деления войска на отдельные «садроше».

Значительные успехи достигнуты в изучении древнейших религиозных верований грузин. Помимо уже опубликованной монографии (В. В. Бардавелидзе), посвященной культу древнегрузинской богини солнца Барбар (или Бабар), необходимо указать на две работы (того же автора), ставящие своей задачей восстановление астральных культов. В одной из них, посредством исследования грузинских методов лечения оспы, кори и других детских заразных болезней, вскрываются пережитки культа Великой матери богов Наны. В другой работе, построенной на сванском материале, устанавливаются элементы почитания лунного божества Яна небесного («Ян дешеш»), верховного покровителя древнейшего злака — проса. Подобно грузинской богине солнца, выявляющей генетическое родство с сумерским божеством Баббаром, Великая мать богов Нана и Ян небесный увязываются с религиозными персонажами древнего переднеазиатского культурного типа. В работе, посвященной изучению хевсурского креста (Л. И. Бочоршвили), выдвинуты положения о воспринятии в хевсурских религиозных верованиях божеств, именуемых «хтишвили», в виде креста и о существовании у грузин (возможно, и у других кавказских народов) крестопоклонства, о котором свидетельствует историк царицы Тамары относительно пховцев.

Ценным вкладом в дело изучения религиозных верований грузин являются исследования В. В. Бардавелидзе, посвященные сванскому празднику мертвых «Липанал» и связанному с последним графическому искусству сванов. Вскрыто большое разнообразие обрядов «Липанал», представляющих разительный контраст с древнеримским институтом — лемуриями.

В рисунках сванов, выполнявшихся на гладкой поверхности стен и перегородок дома ежегодно в праздник («Липанал», «Бембогу»), приуроченные к сезону возрождения природы, установлены в качестве наиболее традиционных и архаичных элементов геометрические изображения (точки, дуги и т. п.), генетически восходящие к магическим знакам. Сравнительный материал из сванской религиозной действительности дал возможность восстановить формы осуществления этих древнейших рисунков, заключавшиеся в магическом соединении действия со словом посредством графического изображения знака и одновременного произнесения имени животного (свиньи, овцы, коровы или быка). Магический знак дуги воспроизводил комплексный образ животного и помещения (resp. перегородки помещения) для животных внутри жилого дома. Оригинальная архитектура сванского дома, уникальная конструкция помещения (в частности, перегородки с полуovalными окнами, помещения для скота), обеспечивавшая постоянный контакт между человеком и животным, центральное место этой перегородки в религиозных обрядах, характер самих обрядов, а также значение магического рисунка (дуги) и роль, выполняемая орнаментальным мотивом дуги и полукруглыми арками в сванском искусстве, — заставляют предполагать возникновение такого помещения для скота с оригинальной перегородкой внутри сванского дома еще на стадии одомашнивания животных. В другой работе В. В. Бардавелидзе устанавливаются пережитки тотемизма у сванов и прослеживается дальнейшая судьба тотема-волка, уже в астральной религии выступающего в ка-

честве «собаки» антропоморфных богов. В работе, посвященной изучению обрядов, связанных с почитанием осы у кавказских народов, свидетельствуется, наряду с рациональными средствами защиты от оспенной эпидемии, практика установления молочного родства с божествами осы посредством атальчества и символического усыновления. Дальнейшая проработка этнографического и фольклорного материалов (в частности, нартовских сказаний) и преданий, засвидетельствованных в грузинских исторических источниках, показала широкую распространенность идеи молочного родства в верованиях кавказских народов применительно не только к различным божествам, но и к миру животных (волков, оленей) в целях защиты от данных божеств и животных и приобретения в их лице покровителей и родовых патронов. Пережитки религиозной практики объединения с миром животных посредством атальчества и усыновления дают автору основание выдвинуть рабочую гипотезу о возможной генетической связи тотемизма с институтом молочного родства.

Выполнено несколько работ с целью изучения анимистических представлений у мегрел (Н. В. Рехвашвили) и значения звериных костей у грузин и некоторых других кавказских народов (Т. А. Очаури).

За время Отечественной войны этнографы Грузии приняли участие в разработке тем оборонного характера. Опубликованы статьи и очерки научно-популярного характера, проведена серия лекций на специальную тематику.

Составлена серия очерков по этнографии народов Кавказа и стран, сопредельных с Кавказом.

Таким образом, работа Отдела этнографии Института истории Академии Наук Грузинской ССР ознаменовалась ценными исследованиями, создающими новый этап в развитии грузинской советской этнографии. Эти исследования, построенные главным образом на этнографическом материале многочисленных комплексных экспедиций, осуществленных силами Отдела, открывают новую страницу в деле изучения культурно-исторических и этно-генетических связей грузинского народа с древнейшими цивилизациями Передней Азии.

Зам. директора Ин-та истории
Академии Наук Грузинской ССР *А. И. Робакидзе*

МЕЖАМЕРИКАНСКИЙ ИНДЕЙСКИЙ ИНСТИТУТ

(Inter-American Indian Institute)

В 1940 г., по решению I межамериканского конгресса по индейским делам, состоявшегося в апреле 1940 г. в Паскуаро, в Мексике, был создан Межамериканский индейский институт. Создание этого Института диктовалось настоятельной необходимостью улучшения положения индейцев путем проведения координированных мероприятий. Самый факт созыва I конгресса индианистов, делегатами которого были как ученые, так и чиновники учреждений по индейским делам, был выражением широкого движения протеста общественных кругов стран Америки против тяжелого положения индейского меньшинства. Речи делегатов конгресса были ярким выражением этого движения. Конгресс разработал межамериканскую конвенцию, которой предусматривалось создание Межамериканского индейского института и связанных с ним национальных индейских институтов. Местом пребывания Института была избрана столица Мексики. Согласно правилам конвенции, участниками Института могут быть все страны Америки, подписавшие конвенцию. К началу прошлого года таких стран было 12, а именно: Колумбия, Эквадор, Эль Сальвадор, США, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Коста-Рика, Боливия. В большинстве этих стран уже созданы национальные индейские институты.

Институт ставит перед собой благородную цель защиты жестоко угнетаемого индейского населения американского континента. «Главной целью Института,— говорит его директор, мексиканский ученый Мануэл. Гамио,— является определение, координирование и проведение в жизнь мероприятий, необходимых для удовлетворения нужд и законных стремлений индейского населения континента. В этом деле Институт рассчитывает на сотрудничество стран континента, институтов по индейским делам, частных организаций и людей, заинтересованных в благополучии индейцев»¹.

Институт имеет связи с индианистами всех почти американских стран, многие из них являются постоянными сотрудниками печатных органов Института. Руководители Института совершают также поездки по странам Америки с целью ознакомления с положением индейцев и мероприятиями, проводимыми в отношении их.

Доходы Института составляются из взносов стран, присоединившихся к конвен-

¹ Manuel Gamio. Actividades del Instituto Indigenista Interamericano. Mexico, 1944, 31.